

Национальный чемпионат завершился битвой с Санно.

Когда в палате воцарилась тишина, Сакураги Ханамити почувствовал, как нестерпимо заныло место недавней операции на спине.

Сразу после матча он был уверен, что больше никогда не сможет выйти на площадку.

Когда же, пребывая в столь мрачном расположении духа, он услышал от врача, что при должном уходе и реабилитации сможет вернуться в спорт, Сакураги едва не расплакался прямо там, на месте.

Друзья по команде и бывшие соперники, приехавшие в Хиросиму, сменяли друг друга в его палате, словно в калейдоскопе.

Лежа на кровати, не в силах пошевелиться, Сакураги заметил, что из всех этих людей Рукава Каэдэ не заглянул к нему ни разу.

Проклятый лис!

Команде пришло время возвращаться в Канагаву, но Сакураги был еще нетранспортабелен — требовалась неделя, прежде чем его можно будет перевести в другую больницу, поэтому кто-то должен был остаться присматривать за ним.

Армия Сакураги вызвалась первой, но Мияги и Мицуи тоже вступили в спор за это право.

В конце концов остался Ёхэй.

Все отправились на вокзал, Ёхэй поехал проводить Такамию и остальных, а Сакураги остался один. Он уткнулся лицом в подушку, смиренно принимая приступы боли в спине.

Устройство для введения обезболивающего было у него под рукой, но он не воспользовался им ни разу.

Врач предупредил, что злоупотребление обезболивающими может вызвать побочные эффекты у спортсмена.

Сакураги не запомнил подробностей, но крепко усвоил главное: побочные эффекты — это плохо.

Поэтому он стиснул зубы и терпел всё, что только мог.

А ведь было чертовски больно!

На лбу и затылке Сакураги выступил пот, тело слегка подрагивало.

Вдруг чье-то полотенце начало обтирать ему шею и плечи.

Наверное, Ёхэй вернулся, подумал Сакураги.

Полотенце прошло по голове.

Когда пот стерли, боль, казалось, немного отступила.

Не поднимая головы, Сакураги пробормотал в подушку:

— Ёхэй, ты вернулся?

Полотенце замерло.

Через некоторое время слышались шаги, удаляющиеся из палаты.

Сакураги, погружаясь в дремоту, провалился в сон.

Неизвестно, сколько прошло времени, но когда он очнулся, дверь снова открылась и раздался голос Ёхэя:

— Я вернулся! Ханамити, воды хочешь? Или в туалет нужно?

Сакураги повернул голову:

— Нет.

Ёхэй сел и залпом выпил полбутылки воды:

— На улице жара. Сёхоку чуть не опоздали на поезд.

— Почему?

— Рукава Каэдэ пропал. Все бегали, искали его.

— А? — Сакураги так разволновался, что чуть было не сел.

Ёхэй ловко прижал его обратно к постели:

— Не дергайся. Потом он прибежал, буквально в последнюю минуту успел.

Сакураги моргнул. В голове мелькнула дерзкая, но странная догадка, которую он тут же отбросил: как это могло быть связано с тем лисом?

Неделю спустя, по распоряжению тренера Андзая, Сакураги перевели в реабилитационный центр на побережье Сёнан.

Когда он вернулся в Канагаву, поток посетителей стал просто невыносимым.

Люди шли бесконечной чередой, пока администрация центра не ввела строгие ограничения на количество гостей и время посещения. Только тогда стало спокойнее.

В центре уход за пациентами не требовался, поэтому Ёхэй заглядывал лишь время от времени, принося то одно, то другое.

Иногда он приходил с Армией Сакураги, иногда — с Харуко.

Он всегда натывался на разных людей.

Прошла еще одна неделя.

Сакураги заметил, что его навестили почти все знакомые из старших школ Канагавы, кроме Рукавы.

Чертов лис!

Когда Ёхэй помогал Сакураги разбирать подарки, завалившие полпалаты, он обнаружил целую стопку баскетбольных журналов.

— Откуда у баскетбольной команды столько журналов? Да еще и переведенные версии, и все номера подряд. А я-то думал, у клуба с бюджетом туго.

Сакураги, листая один из журналов, даже не поднял глаз:

— Это не из Сёхоку. Харуко-сан сама меня об этом спрашивала.

— Тогда откуда они?

Сакураги перевернул страницу:

— Дикий Обезьяна и тот Дядька заходили, может, их рук дело? — он сам же и покачал головой.

— Наши отношения не настолько теплые.

Сакураги закрыл журнал и принялся загибать пальцы:

— Кто еще? Рёнан? Ёжик? Невозможно. Неужели Хикоти? Хотя его сестра работает в издательстве.

Ёхэй посмотрел в потолок, задумавшись:

— Ты про того паренька из Рёнан, который вечно с блокнотом бегают? Не он. Мы пару дней назад встретились по пути в зал игровых автоматов, он спрашивал, где ты и как дела. Сказал, что только вернулся и ищет возможность заглянуть.

Вот это уже странно.

Откуда же взялась эта гора журналов, которые явно кто-то просматривал?

Началась реабилитация.

Сакураги с детства привык драться, знал, что такое боль, поэтому послеоперационные мучения, хоть и были неприятными, оставались терпимыми.

Но он не ожидал, что реабилитация окажется в разы тяжелее.

Осознание того, что он не может выполнить простейшие движения, стало для него невыносимым испытанием.

Маленькое горячее солнышко на глазах начало увядать.

Однажды, проваливаясь в полудрему, Сакураги увидел у изголовья высокую, крепкую фигуру.

Но когда он окончательно проснулся, в палате никого не было.

Если бы не новенький баскетбольный мяч на тумбочке, он решил бы, что это был сон.

Обнимая оранжевый, круглый предмет, Сакураги почувствовал, будто прошла целая вечность.

Он уже и не помнил, сколько времени не касался мяча, казалось, целую вечность.

Он прижал мяч к себе, лежа на кровати.

Как же хочется играть!

Хоть он и не мог выйти на площадку, просто держать мяч в руках было источником небывалой силы.

Сакураги чувствовал себя невероятным счастливым, что судьба связала его с этим чудом.

Хотя нет, это баскетбольный мир должен считать за счастье, что такой гений, как он, решил им заняться.

Вдруг он вспомнил, как на матче с Санно тот монах и Рукава говорили, что собираются в Америку.

До этого Сакураги понятия не имел, какое отношение Америка имеет к баскетболу, но раз уж эти двое туда собрались, значит, это важное для игры место. А разве может такой гений, как он, остаться в стороне?

Лишь за время болезни, перечитав кучу журналов, он осознал, что эта страна значит для баскетбола.

Это лишь укрепило решимость Сакураги отправиться туда.

Чертов вонючий лис, я ни за что тебе не проиграю!

С этими беспорядочными мыслями Сакураги, обнимая мяч, провалился в глубокий сон.

В следующие дни мяч стал его неизменной подушкой, не покидая постели.

Пока однажды он не проснулся в холодном поту.

Сакураги, словно от удара током, отшвырнул мяч в сторону, и тот с грохотом отскочил от стены.

Он тяжело дышал, боясь даже вспоминать, что ему приснилось.

Но каждый, кто часто видит сны, знает: чем сильнее хочешь забыть, тем отчетливее становится картинка.

В его сне мяч, который он так крепко сжимал, превратился в голову Рукавы.

Сакураги подскочил в ужасе.

Этот навязчивый лис, ну почему он повсюду!

Чтобы окончательно прийти в себя и сбежать от кошмара, он решил избавиться от мяча.

Сакураги поднялся с кровати, посидел немного, привыкая к вертикальному положению, и, взяв мяч, медленно вышел из палаты.

Когда он дошел до поста медсестер, то еще не успел ничего сказать, как его окружили

улыбающиеся девушки. Одна из них густо покраснела.

— Сакураги-кун, а твой друг... как его зовут?

Сакураги не понял:

— Кто?

Покрасневшая медсестра застеснялась еще больше, остальные начали подталкивать ее локтями:

— Спрашивай, чего ты боишься? Мы тоже хотим знать.

Набравшись смелости, она продолжила:

— Ну, тот высокий и красивый парень, который приносил это... у него есть девушка?

Сакураги опустил взгляд на мяч, на который она указывала, и нахмурился:

— Это? Я понятия не имею, кто его принес.

— Как это? Он же столько раз приходил.

— Точно-точно. Часто приносил журналы, но постоит немного и уходит, правда?

— Да, в тот день он задержался в палате подольше. И только что тоже заходил, Сакураги-кун, ты, наверное, спал и не заметил?

Медсестры перебивали друг друга, а глаза Сакураги становились всё шире.

Его лицо дернулось. В голове затеплилась догадка, и он отчаянно надеялся, что ошибся, хотя в глубине души чувствовал разочарование. Он осторожно спросил:

— Тот парень... он примерно моего роста, с черными волосами, вот так закрывающими глаза?

— он показал на своем лбу линию челки.

Медсестры дружно закивали.

Лицо Сакураги исказилось еще сильнее:

— Лицо длинное и острое, как у лисы?

На этот раз медсестры зашумели:

— Какая еще лиса?

— Он очень красивый, просто невероятно!

— Именно, наша Кику от него без ума.

— Сакураги-кун, как его зовут? У него есть девушка?

Сакураги, будто спасаясь бегством, бросился обратно в палату.

Чертов лис действительно приходил?

Приносил кучу журналов, даже мяч раздобыл?

Неудивительно, что ему снились такие кошмары — всё из-за этого навязчивого лиса, который вечно крутится вокруг!

Так и хочется врезать ему как следует!

Сакураги никогда не чувствовал себя так нелепо.

Чего добивается этот лис, Рукава Каэдэ?

Из-за пережитого кошмара и странного поведения Рукавы Сакураги на вечерней реабилитации был на удивление бодр.

Внимание переключилось, и боль будто отошла на второй план.

— Сакураги-кун, сегодня отличный прогресс, продолжай в том же духе, — похвалил его врач.

Вернувшись в палату, Сакураги вперил взгляд в оранжевый мяч, заброшенный в угол. Он никак не мог понять: почему человек, с которым они вечно грызлись, присылает ему подарки, да еще и делает это тайком?

Подобные вопросы были выше его понимания, от раздумий разболелась голова.

Он схватился за свои короткие волосы и завыл, уткнувшись в подушку.

Вечером, по привычке потянувшись к баскетбольному журналу, он вдруг отдернул руку, словно обжегся, и отшвырнул книгу подальше.

Он сердито уставился на журнал, будто в тот вселился Рукава Каэдэ. Нужно срочно помыть руки.

Без чтения стало совсем скучно, и он решил прогуляться по коридорам.

В реабилитационном центре была баскетбольная площадка, хотя Сакураги не понимал, зачем она здесь.

Здесь либо пациенты, либо врачи — одни больны, другие заняты работой. Кто будет играть?

Оказалось, будут.

Не доходя до площадки, он услышал знакомый стук мяча.

Звук, который за четыре с лишним месяца прочно укоренился в его памяти, заставил что-то внутри него закипеть.

Сакураги остановился, позволяя своему сердцу биться в такт ударам мяча о покрытие.

Пальцы непроизвольно дернулись.

Черт! Как же хочется играть!

Сакураги стиснул зубы и, понутив голову, поплелся обратно.

Маленькое солнышко, которое еще полдня назад было готово взойти, снова покатилося за

горизонт.

Он продолжал реабилитацию, терзаемый странными чувствами.

Реакция собственного тела казалась ему чужой, он никогда за свои пятнадцать лет не испытывал ничего подобного.

Помимо физической боли, его мучил вопрос: сможет ли он вернуть прежнюю форму и когда это случится?

Если бы не необходимость оставаться в больнице, он бы сбежал туда, где его никто не знает, чтобы выплакаться.

Пусть мужчина не должен плакать, но на душе было так обидно.

Очкарик-семпай, выкроив время в плотном графике учебы, пришел навестить его и, увидев совершенно другого Сакураги Ханамити, сильно встревожился.

Через три дня раздражение Сакураги достигло пика.

На самом деле, прогресс был налицо, и врачи давали оптимистичные прогнозы.

Сакураги по натуре был парнем широкой души, но это гнетущее чувство тревоги никак не отпускало, что злило его еще больше.

Он стоял на берегу моря, наблюдая за закатом и приливом, и тяжело вздыхал.

Вдруг у самого уха раздался знакомый голос, такой неожиданный, что он решил, будто у него галлюцинации.

— Тупица, это всё, на что ты способен?

<http://bllate.org/book/21490/2200158>